

В. ХЛѢБНИКОВ,

ИЗБОРНИКЪ

11 рисунков Филонова (кисть, перо и рѣзецъ)

1 рис. К. Малевича.

Подобень В. Хлѣбникова рис.

Над. Бурлюк.

~~119~~
~~637~~
115
408
1965

Per 314/g

119
488 а

В. Хлѣбников

и з б о р н и к

СТИХОВ

съ послѣсловіемъ рѣчяря.

1907—1914 гг.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ленинград

О 1977 ант Рк-

1602/28

Предисловіе издателей.

Въ настоящую книгу вошли стихи В. Хлѣбникова как бывшіе уже в печати (отдѣл I) так и печатающіеся впервые (отдѣл II)

Тѣ стихи этой книги, кои были уже напечатаны в различных сборниках, для настоящ. изд. просмотрѣны и нѣкоторыя вкравшіеся недосмотры и опечатки исправлены самим — рѣчьарем.

ОДѢЛЪ I.

Из книги „Молоко Кобылиц“

Мои глаза бредутъ какъ осень
По лицъ чужимъ полямъ
Но я хочу сказать вамъ міра осямъ
«Не позволямъ»
Хотѣлъ бы шляхтичемъ на сеймѣ
Руку положивъ на рукоятку сабли
Тому, отсвѣтъ желаній чей мы
Крикнуть, чтобъ узы воль ослабли.
Такъ ясневельможный панъ Сапѣга
Въ гнѣвѣ изумленномъ возростая
Видитъ какъ на плечо бѣлѣе снѣга
Мѣха надѣты горностая
И падаетъ шатаясь панъ
На обагранный свой жупанъ...

Когда рога оленя поднимаются надъ зеленью
Они кажутся засохшее дерево
Когда Сердце начери обнажено въ словахъ
Бають: онъ безуменъ.

ПА-ЛЮДИ.

Птица стремясь въ высь
Летитъ къ небу
Панна стремясь въ высь
Носитъ высокіе каблуки
Когда у меня нѣтъ обуви
Я иду на рынокъ и покупаю ее
Когда у кого нибудь нѣтъ носу
Онъ покупаетъ воску
Когда у народа нѣтъ души
Онъ идетъ къ сосѣднему
И за плату пріобрѣтаетъ ее
— Онъ лишенный души!..

Из „Дохлой луны“

Когда умирают кони, дышать,
Когда умирают травы, сохнуть,
Когда умирают солнца, они гаснуть
Когда умирают люди, поют пѣсни.

ЧИСЛА

Я всматриваюсь въ васъ, о числа,
И вы мнѣ видите одѣтыми въ звѣри, въ ихъ шкурахъ,
Рукой опирающимся на вырванные дубы
Вы даруете—единство между змѣеобразнымъ движеніемъ
хребта вселенной и пляской коромысла
Вы позволяете понимать вѣка, какъ быстраго хохота зубы.
Мои сейчасъ вѣщеобразно разверзлись зеницы.
Узнать, что будетъ Я, когда дѣлимое его—единица.

Опытъ жеманнаго.

Я нахожу, что очаровательная погода
И я прошу милую ручку
Изящно переставить удареніе
Чтобы было такъ: смерть съ кузовкомъ идетъ по годá
Вонъ тамъ на дорожкѣ бѣлый всталъ и стоитъ виденнѣга.
Вечерь-ли? Дерево-ль? Прихоть моя?
Ахъ, позвольте мнѣ это слово въ видѣ нѣги!
Къ нему я подхожу съ шагомъ изящнымъ и отмѣннымъ.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значенія любви
чарь,
То я зову васъ на вечеръ.
Тамъ будутъ барышни и панны
А стаканы въ рукахъ будутъ пѣнны.
Ловя руками тучку
Вѣтеръ получаетъ ударъ ея и не-я.
А согласно махнувшіе въ глазахъ свѣтляки
Мнѣ говорятъ, что сношенья съ загробнымъ міромъ легки.

Из „пощечины общественному вкусу“

Съ журчаніемъ свистомъ
Птицы взлетать перестали.
Трепещущимъ листомъ
Онѣ не летали.

Тянулись таинственно перья
За тучи широкимъ крыломъ
Бѣглець науки лицемѣрья
Я тучѣ скакаль напроломъ.

Бобэоби

пѣлись губы
ВээОми пѣлись взоры
Шіээо пѣлись брови
Ліээй—пѣлся обликъ
Гзи-гзи-гзээо пѣлась цѣпь,
Такъ на холстѣ какихъ-то соотвѣтствій
Внѣ протяженія жило Лицо.

(Студія импрессионистовъ 1910 г.)

Трущобы *)

Были наполнены звукомъ трущобы
 Лѣсъ и звенѣлъ, и стоналъ,
 Чтобы
 Звѣря охотникъ копьемъ доканалъ.
 Олень, олень, зачѣмъ онъ тяжело
 Въ рогахъ глаголь любви несетъ?
 Стрѣлы вспорхнула мѣдь на ляжку
 И не ошибочень разсчетъ.
 «Сейчасъ онъ сломить ноги о земь
 И смерть увидить прозорливо,
 И кони скажутъ говорливо:
 «Нѣтъ, не напрасно стройныхъ возимъ».
 Напрасно прелестью движеній
 И красотой немного дѣвьяго лица
 Избѣгнуть ты стремишься пораженій,
 Копьемъ искавшихъ бѣглеца.
 Все ближе конское дыханье
 И ниже рогъ твоихъ висѣнье,
 И чаще лука трепыханье,
 Оленю нѣту, нѣтъ спасенья.
 Но вдругъ у него показались грива
 И острый львиный коготь,
 И беззаботно, и игриво
 Онъ показаль искусство трогать.
 Безъ несогласья и безъ крика
 Они легли въ свои гробы
 Онъ же стоялъ съ осанкою владыки
 Были созерцаемы поникшіе рабы.

*) Олень превратившійся в льва—образ Россіи.

Из книги „Мірсконца“.

Будемъ грозны как Острица
Платов и Бакланов
Полно вамъ кланяться
Рожѣ басурманов

С толпою прадѣдов за нами
Ермакъ и Ослябя
Вейся вейся русское знамя
Веди через сушу и через хляби!

война.

Вселенночку зовут мѣрѣя, полудѣти...
И умирающе клянут
Быть мертвымъ звала добродѣтель
Они послушались по нудѣ

Нѣмотичей и нѣмичей
Зоветь взыскующій сущѣл
Но новымъ грохотомъ мечей
Ему отвѣтитъ будущел

Сумнотичей и грустистѣлей
Зоветъ рыданственный желел
За то, что нѣкогда свистѣли,
В свинцѣ отсутствуетъ сулел.

Свинецъ согласно ненавидимъ —
Сію желѣзную летаву,
За то что въ цѣли его видимъ
Звонко багримую мѣтаву.

Из „Садка Судей II“.

Марія Везора.

Выступы замокъ простеръ
Въ синюю неба пустыню.
Холодный востока костеръ
Утра встрѣчаетъ богиню,
И тогда то
Звонъ раздался отъ подков.
Бѣль какъ хата
Мѣсяць ясныхъ облаковъ
Лаву видитъ сѣдоковъ
И одинъ изъ нихъ широко
Ношей бѣлою сверкнулъ
И въ его ночное око
Самъ таинственный разгулъ
Выше мѣла бѣлыхъ скулъ
Заглянулъ.
Не святые, не святоши
Въ поздній часъ несемся мы.
Такъ зачѣмъ чураться ноши
Въ часъ царицы ночи тьмы!
Ужъ по твердой мостовой
Идутъ взмыленные кони.
И опять взмахнулъ живой
Ношей мчащійся погони.

И кони устало зѣваютъ замученны,
Шатаются конскія стати.
Усы золотые закручены
Вождя веселящейся знати.
И вящей породѣ поспѣшная дань
Ворота раскрылися настежь
„Раскройся, раскройся широкая тканьъ
Находку прекрасную застишь
Въ рукахъ моихъ дремлетъ прекрасная лань.
И преодѣлевая странный страхъ
По пространной взбѣгаетъ онъ лѣстницѣ
И прячетъ лицо въ волосахъ
Молчащей кудесницы.
«Въ холодномъ сумракѣ покоя
Гдѣ окружили столъ скамьи
Веселье встрѣчу я какое
Въ разгулѣ витязей семьи»
И тѣ отвѣчали съ весельемъ
«Правду промолвилъ и дѣло
Дружень уродъ съ подземельемъ
И любить высоты небесное тѣло».
«Короткіе четверть часа
Буду вверху и наединѣ
Узнаю ли льнуть ея волоса
Къ моей молодой сѣдинѣ»
И тѣ засмѣялися дружно.
Качаются старою стрѣлкой часы.

Но страхъ вдругъ приходитъ. Но все же
наружно

Тѣ всадники крутятъ лихіе усы...

Но что это? жалобный стонъ и трепещущій
говоръ

И тѣла упавшаго шумъ позже стука.

Весь дрова пробѣгаетъ въ молчаніи поваръ

И прочь убѣгаетъ не выронивъ звука.

И мчатся толпою недоброе чуя

До двери высокой дубовой и темной

И плачетъ дружинникъ ключъ въ скважину суя

Суровый, сердитый огромный

На битву идутъ они къ женственнымъ чарамъ

И дверь отворилась подъ тяжкимъ ударомъ

Со скрипомъ, какъ-будто куда-то летя,

Грустящее молить и плачетъ дитя.

Но зачѣмъ въ ихъ рукахъ заблестали клинки?

Шашекъ лезвья блещутъ изъ каждой руки.

Какъ будто заснувшій лежитъ общій другъ

И на полъ стекаютъ изъ крови озера

А въ у глу близъ стѣ ны вся упрекъ и испугъ
Марія Вечора.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ.

(Кукси кумъ мукъ и сукъ).

Кони, топоть, инокъ
 Но не речъ, а черень онъ
 Идемъ молодъ, доломъ меди
 Чинъ званъ мечемъ навзничъ.
 Голодъ чѣмъ мечъ дологъ?
 Паль а норовъ худъ и духъ ворона лапъ.
 А что? я ловъ? Воля отча!
 Ядъ, ядъ, дядя!
 Иди, иди!

Морозъ въ узелъ, лѣзу взоромъ.
 Соловъ, зовъ, возъ волосъ
 Колесо. Жалко поклажъ. Оселокъ.
 Сани плотъ и возъ зовъ и толпъ и насъ
 Гордъдохъ, ходъ дрогъ.
 И лежу. Ужели?
 Золь голъ логъ лозъ
 И къ вамъ и тремъ съ
 Смерти Мавки.

* *
 *

Помиралъ морень, моримый морицей
 Вѣренъ въ вѣримое вѣрицы.
 Умиралъ въ морильяхъ морень
 Вѣренъ въ вѣроча вѣрни.
 Обмиралъ морѣя морень.
 Вѣренъ вѣритвамъ Вѣраны
 Приобмеръ моряжески морень
 Вѣренъ вѣрови вѣрязя.

Изъ „рыкающаго парнаса“.

Морской прибой.

о день и дзень и динь!
Нуочь и ночь и ничь!
Всеобщаго единства.

ОТДѢЛЪ II.

(корни: чур... и чар...)

Мы чаруемся и чураемся.
Тамъ чаруясь, здѣсь чураясь
То чурахарь, то чарахарь
Здѣсь чуриль, тамъ чариль.
Изъ чурыни взоръ чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! чурари!

Чурѣль! Чарѣль!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

Законъ качелей велить
Имѣть обувь то широкую, то узкую
Времени-то ночью, то днемъ,
А владыками земли быть, то носорогу, то человѣку.

Сонъ то сосѣдъ снѣга весной,
То лѣвое непрочное правительство въ какой-то думѣ.
Коса то украшаетъ темя, спускаясь на плечи, то косить траву
Мѣра то полна овса, то волхвуетъ словомъ.

Мавка (вѣдьма).

Замѣть суровую пастушку:
 Обвита страусомъ пера
 Не человѣкъ и не гора
 Ведеть гулять младую чушку.

И дѣтворы съ крылами стая
 Летить и рѣть, прилетая.
 Свѣча дрожить, горить огонь.
 Ея сіяніе мало.

И какъ бѣсовскихъ игрищъ конь,
 Прошло сквозь ноги помело.
 Сложивъ съ колѣнями персты
 Полуобезьяна, полу духъ,
 Глазами грустными потухъ
 На половинѣ высоты.

Тучна, висока, велика.
 Вѣдунья взорами прелестная.
 То дочь ли Мнишка поляка
 Или другая неизвѣстная?
 И книги строки по латыни
 Въ жаровнѣ пляской пескарей,
 Согнувшись въ пламени святыни,
 Поютъ: лети на бой скорѣй!

Полна Соблазна и бѣла
Она забыла про бѣлила
И твердой ручкой помела
. раздѣлила.
Она въ грѣховныя страницы
Вонзила огненное око
По сказкамъ письменнымъ порока
Летаетъ пылкая зарница.
Предъ нимъ навсегда треугольникъ
Высокимъ и темнымъ пятномъ
Сидитъ онъ какъ тихій невольникъ
И думаетъ скованный сномъ.

Ш а б а ш ъ.

А. Еще упруга эта кожа

И войско морщинъ не пришло

Еще слыву княгиней ложа

Вѣнчая прелестью чело.

Налей! налей женихъ случайный

Морской прибой въ мои стаканы.

Нѣтъ не покинулъ поздней тайной

Стыдливый черепъ чертъ обманы.

Но персть могильный указываетъ

Кусты на кладбищѣ цвѣтовъ.

Для дщери сновъ, для дщери суетъ

Могильный черепъ уже готовъ.

Подруги: Мы грѣшницы подъ соснами

Подъемлемъ къ небу чаши.

Твердимъ устами косными,

Что наши годы наши.

Ручей стезей зеленою

Задумчиво бѣжитъ

И отрокъ опаленный

Волшебницей лежитъ.

О. Сквозь неводъ волнъ для взоровъ вкось

Какъ снѣгъ сверкаетъ тѣла ось.

Бойся ты, глазунья, ей,

Табуна моихъ страстей.

Все потопчуть и сомнутъ

Лишь глаза твои уснутъ.

Какъ снѣгъ весной вы поголовно
Сдаются дѣвы поцѣлую.
Ахъ сердце ваше невинно:
Вѣдь вьются кудри вразсыпную.
Но я до смерти не пойму
Зачѣмъ мы люди, почему?
Но все жь волнуетъ насъ чуть чуть
Льна за горошкомъ снѣгъ или грудь?
И утро пусть приходитъ, пусть!
На смѣну тайнъ грѣховныхъ мигу:
Я знаю, помню наизусть
Тобой разсыпанную книгу.
И не втунѣ и не все
Кротко жили поцѣлуи.
Тебѣ довольно ахъ да охъ
Рождать однимъ своимъ видѣніемъ
Душиста ты какъ дикій лохъ
И быть съ тобою сновидѣніе.
Лице даете намъ вы даромъ
А персь и плечи свои нѣтъ.
Свирѣпымъ было бѣ то ударомъ
Будь вы свободны отъ тенеть.
Ужель изъ кубка вамъ досыта
Такъ трудно страстью насладиться.
И чтобъ зимою было жито
Грѣховный снопь связала жница.
Гдѣ вмѣстѣ съ вмѣстѣ слилось врозь
И гдѣ такъ нѣжны шелкъ и дымъ
Туда стремится вкривь насквозь
Глазамъ пристойно молодымъ.
Чтобъ все понявъ и вглубь и вдоль
Рѣшить: ничто удѣлъ есть воля.
Ну улыбнись, скорѣе, ну
Вѣдь на тебя опять взгляну.

Лице поставивъ набекрень
 Двумя руками скрывши груди
 Вы стали чутки; страшна тѣнь
 Быть можетъ бѣсъ, а можетъ люди
 И быть раскрытыми навѣки
 Боялись кротости опеки.
 Изъ усть сосѣдей ахъ да охъ
 Ты исторгаешь какъ свирѣль
 Прекрасна ты какъ дикій лохъ
 Бурунь закрыль младую мель
 Я только страсти имена
 Твержу покорный какъ ягненокъ.
 Ты хочешь жертвы? возьми, на,
 Стою я согнуть бѣль и тонокъ.

А. Полны цвѣтовъ земные логи
 Цвѣтамъ полевымъ я завидую.
 Я вамъ молилась великіе боги
 И что жь? неслыханной обидою
 Отвѣтили мнѣ я одинока
 Напрасно страсть кипить востока.
 Когда журчатъ ко мнѣ дерзаетъ
 Мнѣ опьяненная волна
 Меня одно всегда терзаетъ
 Видѣнье страшнаго челна.

(Нѣга — нѣголь...)

Нѣголи легкихъ думъ
Лодки направили къ легкому свѣту.
Бѣгали легкости въ шумъ,
Небыли нѣту и нѣту.
Въ туманѣ грезобы
Возстали грезогы
Въ туманныхъ тревогахъ
Возстали чертогы.
Въ соногахъ-мечтогахъ
Почилъ онъ, почему у черты.
Въ чертогахъ-грезогахъ
Почилъ онъ, почилъ у мечты.
Волноба волхвобнаго вира,
Звеноба нѣмобнаго яра,
Ты все удалила, ты все умилила
О тайная сила,
О кровная мара.
Въ яробѣ нѣмоты
Играли и журчали
Двухзвонкія мечты
Будутныя печали.
Хитрая нѣга молчанія,
Литая въ брегахъ звучанія,
— Птица безъ древа звучаніе,
— О взметни свои грустиля,

Дай намъ на небо взойти,
Чтобы старья постыля
Мы забыли, я и ты!
Вѣязь силъ молодыхъ,
Вѣязь дикихъ блѣдныхъ силъ,
Уносилъ въ сонъ младыхъ,
Въ сонъ безмѣрно голубыхъ...
За осокой грезныхъ лѣтъ
Бѣгутъ струи любвины
Помнить, помнить человѣкъ
Ковы милой старины.
Знаеть властно-легкій плѣнъ.
Знаеть чары легкихъ мѣнъ,
Знаеть цѣну вѣчныхъ цѣнъ.
Поюнности рыдальныхъ склоновъ,
Знаюнности сіяльныхъ звоновъ
Въ вѣнокъ скрутились
И жаломъ многожалымъ
Чело страдальное овили.
И въ бездумномъ играньи играній
Расплескались яри бываній!
Нѣжець тайностей тучъ,
Я въ сверкайностяхъ тучъ.
Пролетаю, летаю, лечу.
Улетаю, летаю, лечу.
Въ умирайнахъ тихихъ тайнъ
Слышенъ голосъ новыхъ майнъ.

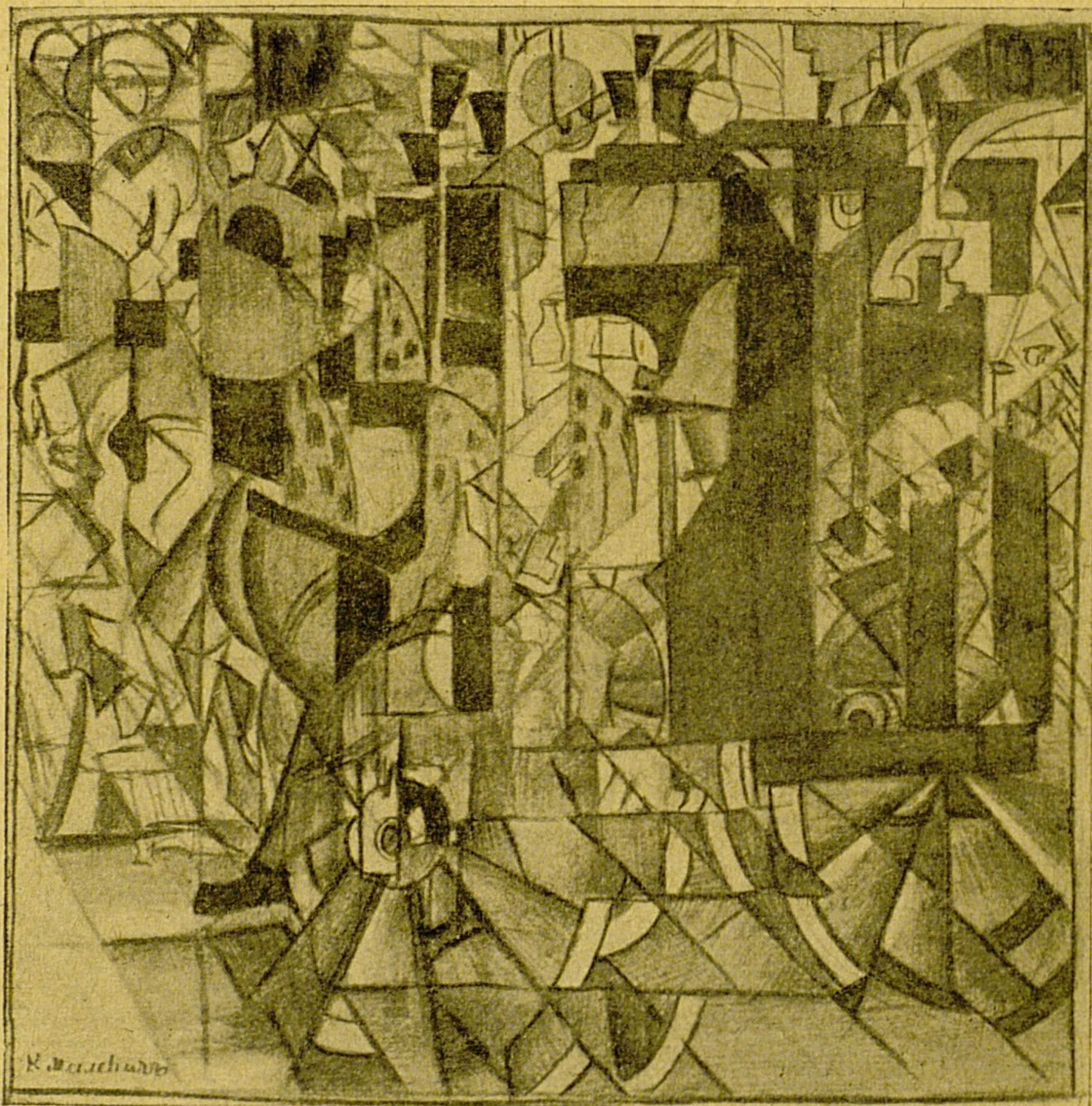
Я звучу, Я звучу...
 Сонно-мнимой грезы нѣголь,
 Я—узывностынь мечты.
 Льетса, льетса плѣнность бреговъ,
 Вьются дѣти красоты.
 Сумная умность рѣчей
 Зыбко колышитъ ручей
 Навій налетъ на ручей
 — Роняетъ,
 — Ручей бѣлыхъ нѣжныхъ словъ,
 Что играетъ
 Безъ сомнѣнія, безъ оковъ.
 — О ядъ не нашихъ мчаній въ поюнность высоты
 И бѣшенство бываній въ страдаляхъ нѣмоты
 Въ думкомъ маревѣ о богѣ
 Я летѣлъ въ удѣлъ зари...
 Обгоняли огнебоги,
 Обгоняли жарирри.
 Обожѣлыя глаза!
 Омірѣлыя власа!
 Овселеннѣлая рука!
 Орель сумеречныхъ крылъ
 Землю вечеромъ покрылъ.
 «Вечерь сѣчи вѣдьмъ зари».
 Прокричали жарирри.
 Мы усѣлись тѣснымъ рядомъ.
 Видѣть нежить люди рады.

(1907 г.).

Мава Галиційская.

Въ перчаткѣ изъ червей
 Ладонь мою подам
 Веселымъ господамъ.
 Эй, эй, всѣ живѣй!
 И пусть тѣ что руку трогали
 Скользкій пирь ночной кишачій
 Въ воздухъ бросать возгласъ вящій
 Озадаченные щеголи.
 Пусть поймутъ кто настоящій
 Эй, эй, всѣ живѣй
 Червяка что на мизинцѣ
 Вмиг стошнило-бъ отъ травы
 Но въ ночномъ моемъ звѣринцѣ
 Вамъ написано: Увы!
 На меня бросаетъ зелень
 По-лу-су-мрака шугай
 Мавѣ вѣрящая елень
 Ну по хвосту шагай.
 Двукопытные неопытные
 Бѣлокурые друзья
 Начинайте игры топотныя
 Умно помня съ вами я.
 Люди отвѣтствуйте надо-ли
 Червивой стыдящейся падали?

(1914 г.).

(изъ книги «Трое»).

К. Малевичъ.

(Хвост Мавки-вѣдьмы — превратился
в улицу)

... а сзади была мостовой
Съ концами ярости вчерашней
Ступала ты на пальцы башни
Рабы дабы
Въ промокшихъ кожахъ
Кричали о печали
А ты дышала пулями въ прохожихъ.
И равнодушно и во снѣ
Они узоръ мороза на окнѣ!
Да эти люди иней только
Изъ пулеметовъ твоя полька
И изъ чугунаго окурка
Твои Чайковскій и мазурка
А азбуки разрозненные члены
Для площадныхъ торговыхъ кличей
Идутъ какъ парусы подъ пѣной
Подошвы множества величій
Медвѣжей лапою топча
Порывы въ завтра отроча

(1914 г.).

Б о е в а я.

Радой Славунъ, родунъ Славянъ,
 Не кажи, не кажи своихъ ранъ!
 Расскажи, расскажи про ослаби твои,
 Расскажи, расскажи какъ заслави твои поло-
 нила волна нѣми съ запада яростно
 бьющей...

Расскажи, расскажи, какъ широкое плесо было-
 вой рѣки замутилось-залилось наплы-
 вомъ-наливомъ вліяній иныхъ:
 Иной роди, иной крови, иной думи, иныхъ рѣ-
 чей, иныхъ бытей.—

— Инобыти.

Я и самъ бы сказалъ, я и самъ рассказалъ,
 Протянуль бы на западъ клянущую руку, да всю
 горечь свою, да всѣ яды свои со-
 бираю, чтобъ кликнуть на западъ и
 югъ свою вѣсть, свою вѣру, свой
 яръ и свои кличъ,

Свой гнѣвный, побѣдный, воинственный кличъ:
 «Напоръ славы единой и цѣльной на нѣмь!»

По солонь, слава. За солнцемъ, друзья,—на за-
 падъ за солнечнымъ ходомъ подъ
 прапоромъ солнца идемте друзья,—
 на западъ за солнечнымъ ходомъ.

— Побѣдная славь да идетъ.

Да шествуетъ!

Пусть въ вѣкахъ ирѣкахъ раздается тотъ пѣвъ:

«Славь идетъ! Славь идетъ! Славь возстала...

Пусть въ вѣкахъ ирѣкахъ раздается запѣвъ:

«Славь идетъ! Славь идетъ! Славь возстала!»

Послѣсловіе.

Пѣна грязная. Замѣтки.

Слова «по+до+ль» и «ко+до+ль» извѣстны меньшему числу лицъ, чѣмъ самъ русскій языкъ.

Но въ нихъ выступилъ рѣдкій случай творчества языкомъ себя. Подоль есть наиболѣе ниспадающая и близкая къ землѣ часть одежды, напр. тулуна. Кодоль есть та веревка, на которой на сѣверѣ (Въ Двинѣ) привязываются къ колу пасущіеся ручныя животныя. Луга Сѣв. Двины. Немедленная очная ставка этихъ словъ съ рѣченіями до полу и до кола дѣлаетъ вѣроятнымъ происхожденіе ихъ черезъ вставку предлога до внутрь простыхъ словъ поль, коль.

«До» служитъ здѣсь какъ бы клиномъ раскалывающимъ (словесное дерево); и вогнаннымъ внутрь разсѣченыхъ имъ рѣченій.

Простое слово было 1) раздвинуто 2) пустота заполнена предлогомъ ДО.

«До» вставленъ въ середки словъ: (к,п) оль.

Отсюда подоль и кодоль, заключившія предлогъ въ скобки слоговъ,
грубыя и странныя слова.

$$173 = a = 365 - (48) \cdot 4.$$

На 1237-ой годъ падаетъ выпадъ востока противъ запада. Батый, Мамай. Конница татаръ. Черезъ а лѣтъ, въ 1410, наступило равновѣсіе между востокомъ и западомъ. Грюнвальдъ. $(1237 + 173 = 1410)$;

отпоръ славянъ востока нѣмецкому западу. Черезъ 2 а $(1237 + 173 \cdot 2 = 1583)$.

отвѣтный выпадъ русскаго запада на монгольскій востокъ. (Завоеваніе Сибири Ермакомъ Великимъ). Строгановъ. Уструги. Черезъ 3 а $(1237 + 173 \cdot 3 = 1756)$. Порогъ Семилѣтней войны 2-ое равновѣсіе между востокомъ и западомъ на этотъ разъ отпоръ нѣмецкаго міра русскому. Фридрихъ Вел.

Нечетное число а избираетъ рубежомъ Вислу, четное хребетъ Урала. Слѣдующій выпадъ востока на западъ ложится согласно этимъ причудамъ чисель на 1929 годъ, но остается темнымъ славянскій или монгольскій стягъ востока. А также Уралъ или Висла будутъ раздѣлять двухъ мечниковъ съ темной проводочной сѣткой на головѣ и гибкимъ лезвіемъ, избравшихъ своимъ судьей Число 173 для звѣздамъ послушнаго поединка на сѣверномъ водораздѣлѣ Азіи

Споръ о первенствѣ

Какъ возстановить права на первенство въ одномъ сложномъ ученomъ спорѣ.

Въ особенности если черноглазый рокочущій истецъ плохо знакомъ съ законами, а сомнительный отвѣтчикъ давно подъ землей? Сѣвернымъ странамъ, гдѣ солнце никогда не бываетъ буднемъ, извѣстенъ соловей (красношейка) Въ границахъ правильнаго круга у него на груди красное пятно свѣжей крови. Красное пламя величиной съ видимые размѣры солнца. На сѣромъ скромномъ опереніи сѣверной птицы. Оно удлиняетъ вечеръ, вспорхнувъ среди кустарниковъ послѣ заката и солнце на птицѣ звѣрю замѣняетъ закатившееся. Звѣздное. Птица кажется черноглазымъ капищемъ съ клювомъ, чирикая, поворачивающимъ свою грудь къ людямъ. Небольшое небо иногда съ козявкой во рту.

Тѣло исчезаетъ въ сумракѣ. Видно только лже солнце. (ясный какъ жаръ, малиновый кружокъ). Сумракъ. Ивы. Значить ли это высококомѣрное пламя своего рода проповѣдь «будемъ какъ солнце?»

Или это было бы глупо для сѣверной службы солнцу порхающаго капища съ пѣснью, чернымъ клювомъ, ногами, живымъ желудкомъ и крылатаго?

Скорѣе здѣсь можно прочесть указанье на свою родословную, мысль «я—солнечнаго происхожденія», обращенную къ ивамъ и подругѣ, вѣроятно другого предка. Но грекамъ было знакомо близкое ученіе. Именно, Аполлонъ соединилъ въ своей природѣ 1) солнце 2) земные лучи мужества (юноша-солнце). Можетъ быть и тѣ и другіе (греки и соловьи) были независимы другъ отъ друга въ своихъ исканіяхъ, но право первенства все-же за соловьемъ—живымъ сѣвернымъ храмомъ солнцу. т. е. соотечественникомъ.

Солнце одно и вблизи земли; звѣздъ много и онѣ вдали. Но само солнце только одна изъ звѣздъ.

Дѣло ума родственно съ дѣломъ сердца или страсти и мысли одной породы и разнятся лишь числами. Именно, умъ вѣдаетъ многими, но дальними, а сердце чѣмъ-то однимъ и близкимъ.

Умъ относится къ отдаленному множеству, сердце къ одному стоящему рядомъ. $S = \frac{k}{n, t}$; $s =$ умъ или сердце; $n =$ число, $t =$ разстояніе.

Отыскивая земное въ земномъ можно сказать умъ отъ звѣздъ, сердце отъ солнца.

Но Исламъ возникъ въ знойномъ поясѣ, вблизи отъ солнца, какъ вѣра Солнца. Местъ и страсть.

Вѣра ума не должна ли родиться вдали отъ Солнца, у льдовъ сѣвера. Табити и холодный разсудокъ. Скиѣны. Ось. О Звукѣ написано море книгъ по имени Скучное. Среди нихъ одинокій островъ мнѣніе маньчжурскихъ татаръ; 30—29 звуковъ азбуки суть 30 дней мѣсяца и что звукъ азбуки есть скрипъ Мѣсяца слышимый земнымъ слухомъ. Манчжурскіе татары и Пифагоръ подаютъ другъ другу руку. Сквозь прозрачную азбуку видѣнъ мѣсяць.

Если взять число лѣтъ, равное числу дней въ мѣсяцѣ, то мы будемъ имѣть правящія людомъ могучія времена 27, 28 и 29 лѣтъ каждое съ особой судьбой и особымъ жезломъ.

28 лѣтъ управляетъ смѣной поколѣній. Смѣна поколѣній волны.

Нѣсколько примѣровъ: Пушкинъ родился черезъ 28.2 послѣ Державина, Чебышевъ черезъ 28 послѣ Лобачевского, Герценъ черезъ 28.6 послѣ Мазепы;

Петръ Великій черезъ 28 послѣ Мазепы; оба встрѣтились при Полтавѣ; Эльбрусы своихъ поколѣній Карамзинъ и Чаадаевъ тоже черезъ 28; Волынскій черезъ 28.2 послѣ Никона. Пугачевъ черезъ 28.7 послѣ Иоанна Грозн.; Черезъ 28.2 Карамзинъ и Забѣлинъ. Карамзинъ и Катковъ 28.2. Пугачевъ и Бѣлинскій 28.3. Никонъ и Кутузовъ 28.5 и Крижаничъ 28.4.

Рядъ

1765 Карамзинъ	Чаадаевъ 1793
1644 Мазепа	Петръ В. 1672
1821 Катковъ	Витте 1849
1793 Чаадаевъ	Катковъ 1821
1633 Голицынъ	Волынскій 1661
1799 Пушкинъ	Побѣдоносцевъ 1827

показываетъ, что черезъ 28 лѣтъ поколѣнія относятся другъ другу какъ отрицательная и положительная волны и что задачи одного поколѣнія вступаютъ въ борьбу съ задачами поколѣнія на 28 лѣтъ болѣе ранняго (Мазепа и Петръ).

До нѣкоторой степени можно говорить что если тогда-то родился человекъ съ «звѣздой жизни» А то путь $b = -a$ изберетъ поколѣніе, пришедшіе черезъ 28 лѣтъ.

Такъ смѣняются «жизненные звѣзды», подразумѣвая подъ ними только извѣстный способъ говорить.

У поколѣнія Карамзина съ греко-римскимъ міромъ совпадало все лучшее подъ солнцемъ и Карамзинъ тяжелой полкой своихъ книгъ нарядилъ предковъ въ римскія доблести, чтобы все лучшее совпадало съ именемъ русскаго.

Поколѣніе Чаадаева раздѣлось отъ одеждъ портной Карамзинъ Пушкинъ видѣлъ «оправданіе Сумасшедшаго» и «государство Россійское»; Католичество у Карамзина и у Чаадаева относятся другъ къ другу какъ черный и бѣлый цвѣтъ. А Катковъ черезъ Чаадаева можетъ подать руку Карамзину. Также именно послѣдователи Каткова съ наибольшимъ осужденіемъ и духомъ борьбы относились къ государственной дѣятельности одного современника. Пространство болѣе вещественно чѣмъ числа.

Лобачевскій захотѣлъ построить другой несуществующей вещественный міръ, а Чебышевъ далъ большую стройность не вещественному, но существующему уже міру чиселъ. Черезъ Польшу Украина была доступна лучамъ запада, что давало ей особую отъ Моск. Госуд. природу и вызвалъ Мазепу. Петръ В. «окномъ въ Европу» (Пушкинъ) для великороссовъ устранилъ расколъ и какъ сама побѣда встрѣтился съ Мазепой при Полтавѣ. Снопъ одинаковыхъ лучей Запада прошелъ черезъ обѣ половины народа. Но уравненіе нравовъ выводимы изъ изученія преданій старины глубокой, Пушкина, Чебышева, Чаадаева позволяетъ судить о будущихъ поколѣніяхъ.

Лобачевскій и Чаадаевъ родились въ одинъ годъ и оба хотѣли (по разному) построить не этотъ, другой міръ. Въ ряду Карамзинъ, Чаадаевъ, Катковъ четные были западниками, нечетные (от. Карамзина).

Для Пушкина замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ родились Верстовскій (живая Аскольдова Могила) и Львовъ: Здѣсь лучи времени (лучъ предка) разлагаясь насыщаетъ разныя дарованія.

Исчисленіе по 27 лѣтъ даетъ слѣдующій рядъ:

1718 Сумароковъ 1745 Кулибинъ 1772 Сперанскій
1799 Пушкинъ 1826 Салтыковъ 1853 Владиміръ Со-
ловьевъ и Короленко.

Онъ замѣчателенъ проходящей черезъ него одной общей мыслью.

Каждое поколѣніе какъ бы держитъ въ рукахъ игрушку въ которой разочаровывается слѣдующее и ищетъ новой. Слово, мосты, законы, изнѣженность, проклятіе жизни, робкое оправданіе жизни.

съ тобой надежды вѣрныхъ плыли
тебя провожавшихъ зовомъ Божѣ

и какъ добычу тебя подѣлили были

когда взошелъ ты на песчаной рѣни ложе.

Какъ звѣрь влачитъ супругѣ събди
текущій кровью жаркій кусъ

Владимиръ не подарилъ-ли такъ Рогнедѣ
твоей золоченый оловянный усъ

ты знаешь путь измѣнитъ прѣ

и станемъ вѣрны **О** **Т**ерунѣ

когда желтой и бѣлой силы прѣ

передъ тобой вновь объединитъ насъ въ унѣ.

Навѣемъ возложенный на сани,

какъ нѣкогда ты проплылъ Днѣпръ

такъ ты окончишь **Т**ерунепрѣ

узнавъ вновь сладость всю касаній.

Ночъ въ Галиціи

Русалка:

съ росою старого

ростанника

Я смотрю

на травы

и на

5
Р уахадо, рындо, рындо
шоно, шоно, шоно

П инцо, пинцо, пинцо
пац, пац, Пац

П охоронѣ опришками товарища
гоже ножъ то клич боевой
теперь ты не живой

С уровы дегини
а лица их въ тѣни.

У салака: кого несетъ ихъ шайка
сосѣдка отгадай ка

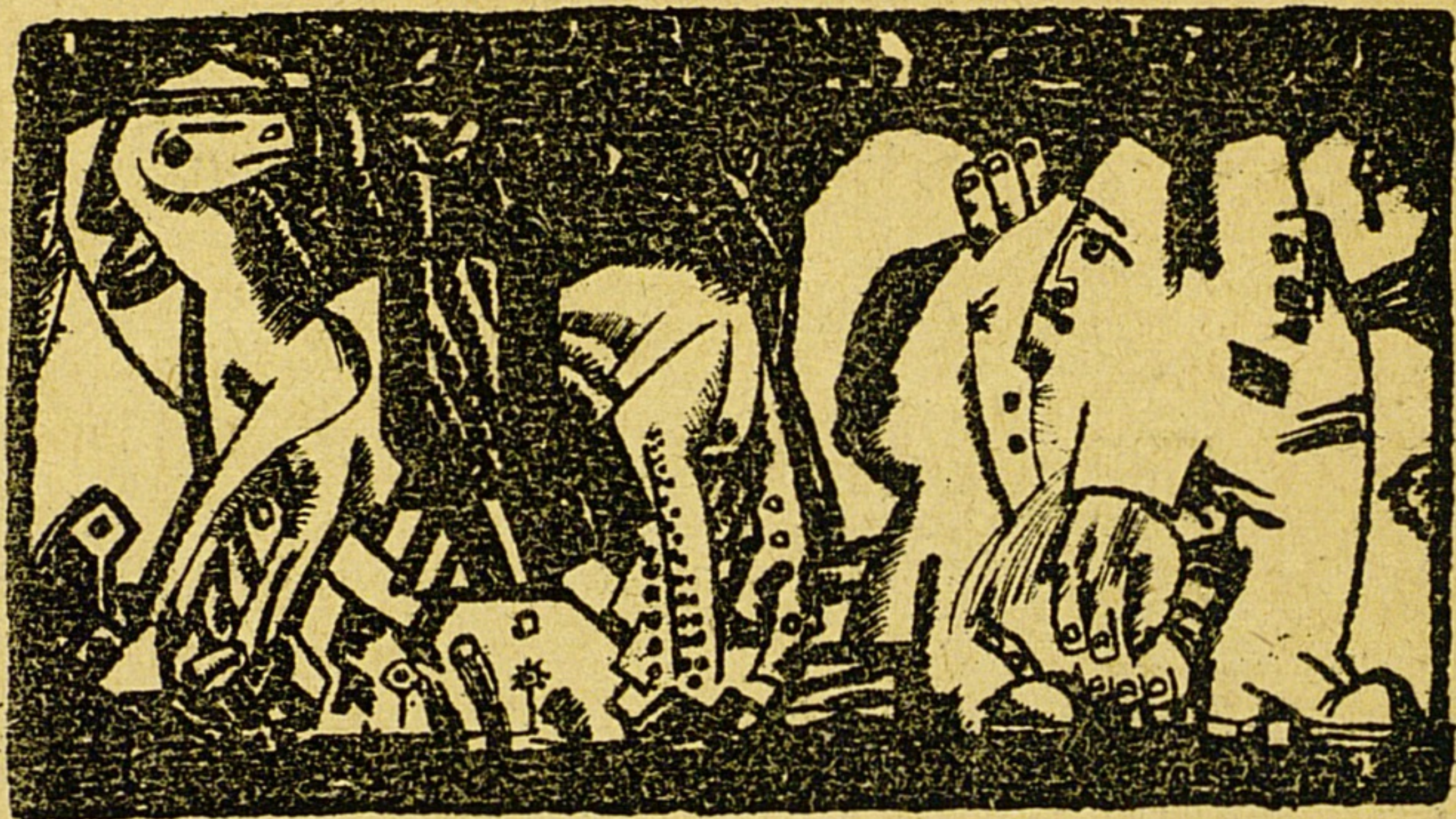
Р усалки: іо, іа цолк

іо, іа цолк

П иц, пац, пацу

пиц, пац, паца

іо іа цолк, іо іа цолк

Ж
 опоцамо миногамо пинцо пинцо
 П

вѣдьмы вытягиваются въ косяк какъ жу

—равли улетаютъ шарадам магадам вы-

кадам.

Ч
 ух, чух, чух

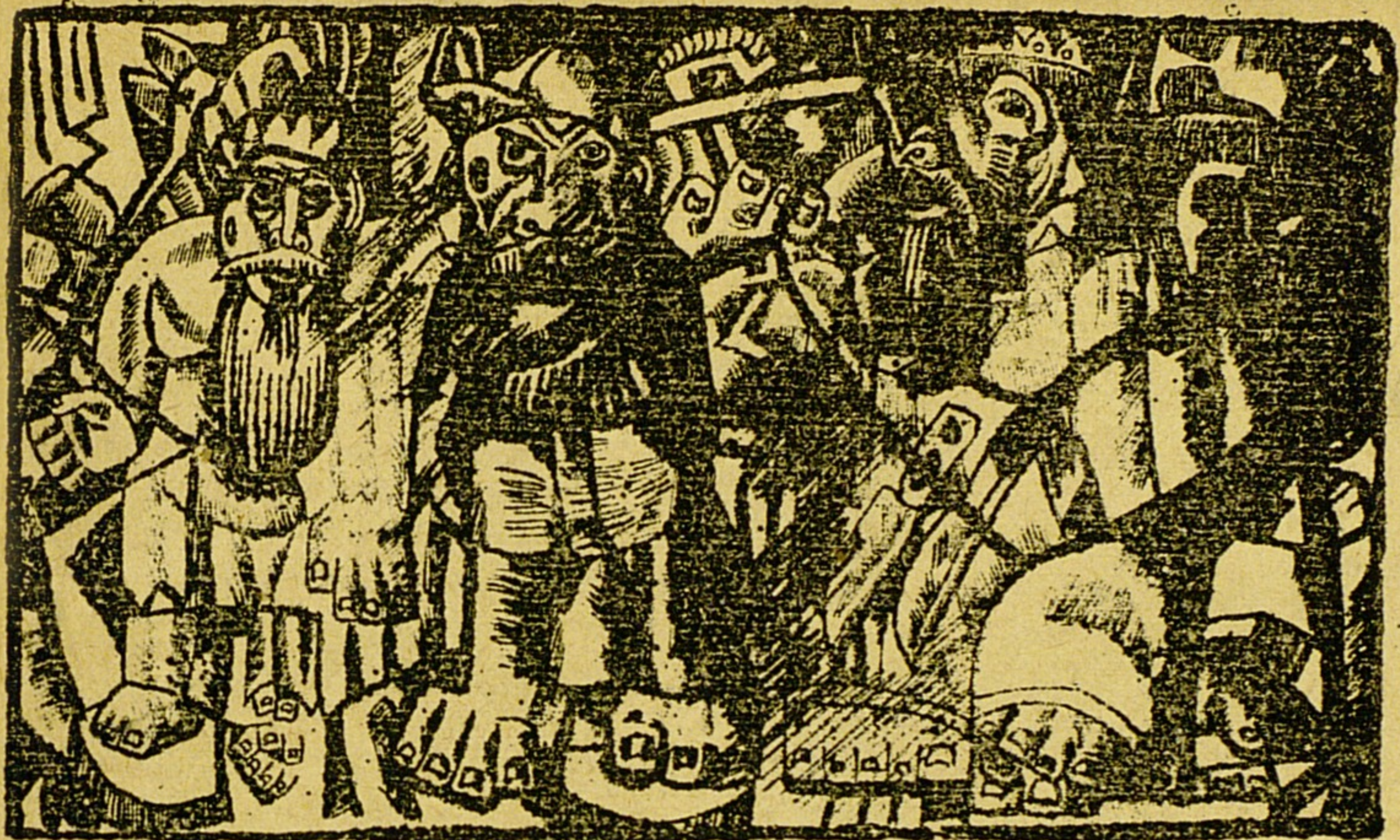
чухъ

разговаривающія галичанки:

вон гуцул сюда идет

В
 в своей
 В
 верной безрукави
 В

он живет

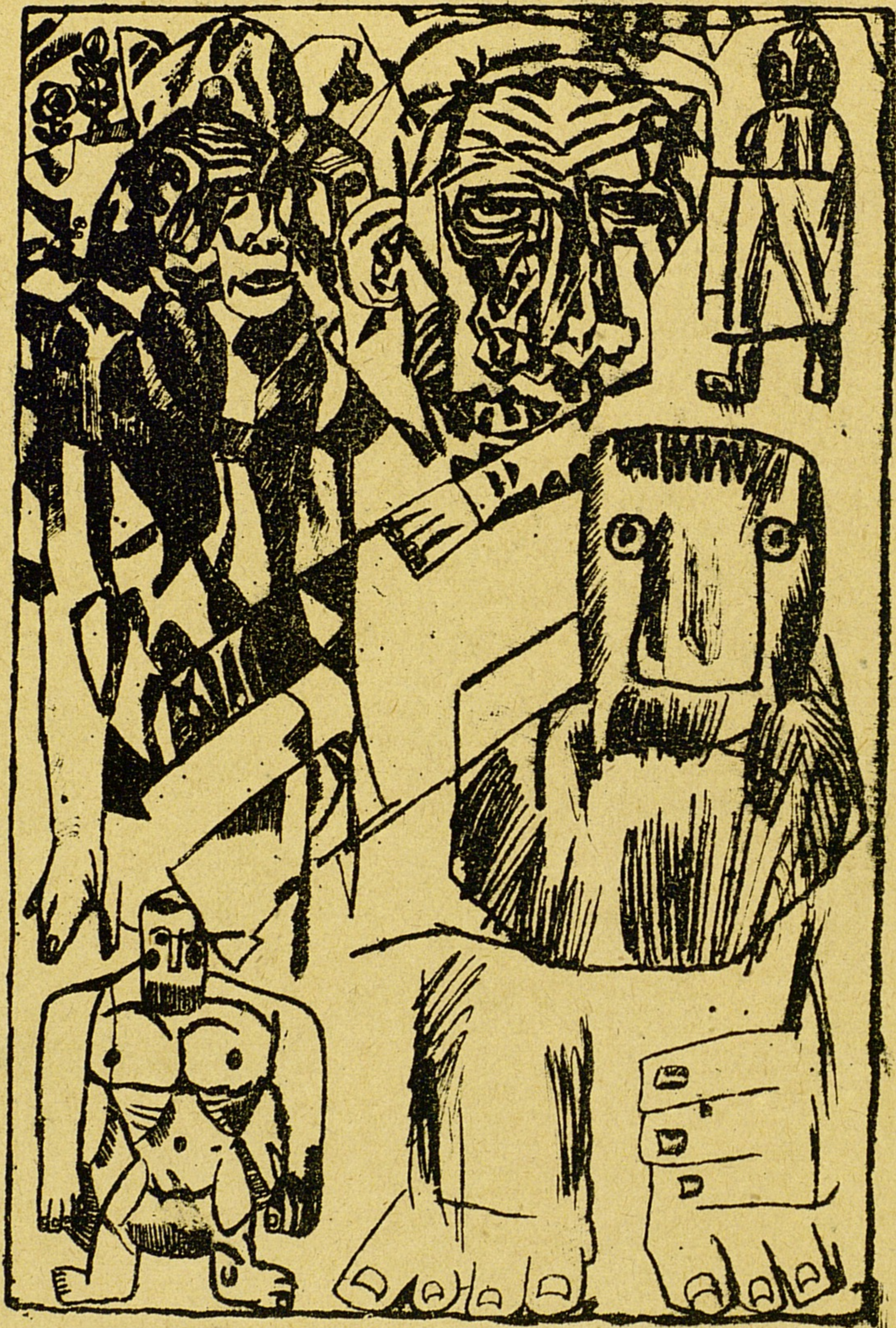
ИЗЪ КНИГЪ

„ДЕРЕВЯННЫЕ ИДОЛЫ.“

Надъ тобой носились беркуты
 порой садясь на бога грудь,
 когда мѣяль ты рѣя, омота (миноваль)
 на рыби наводя поселки жуть.

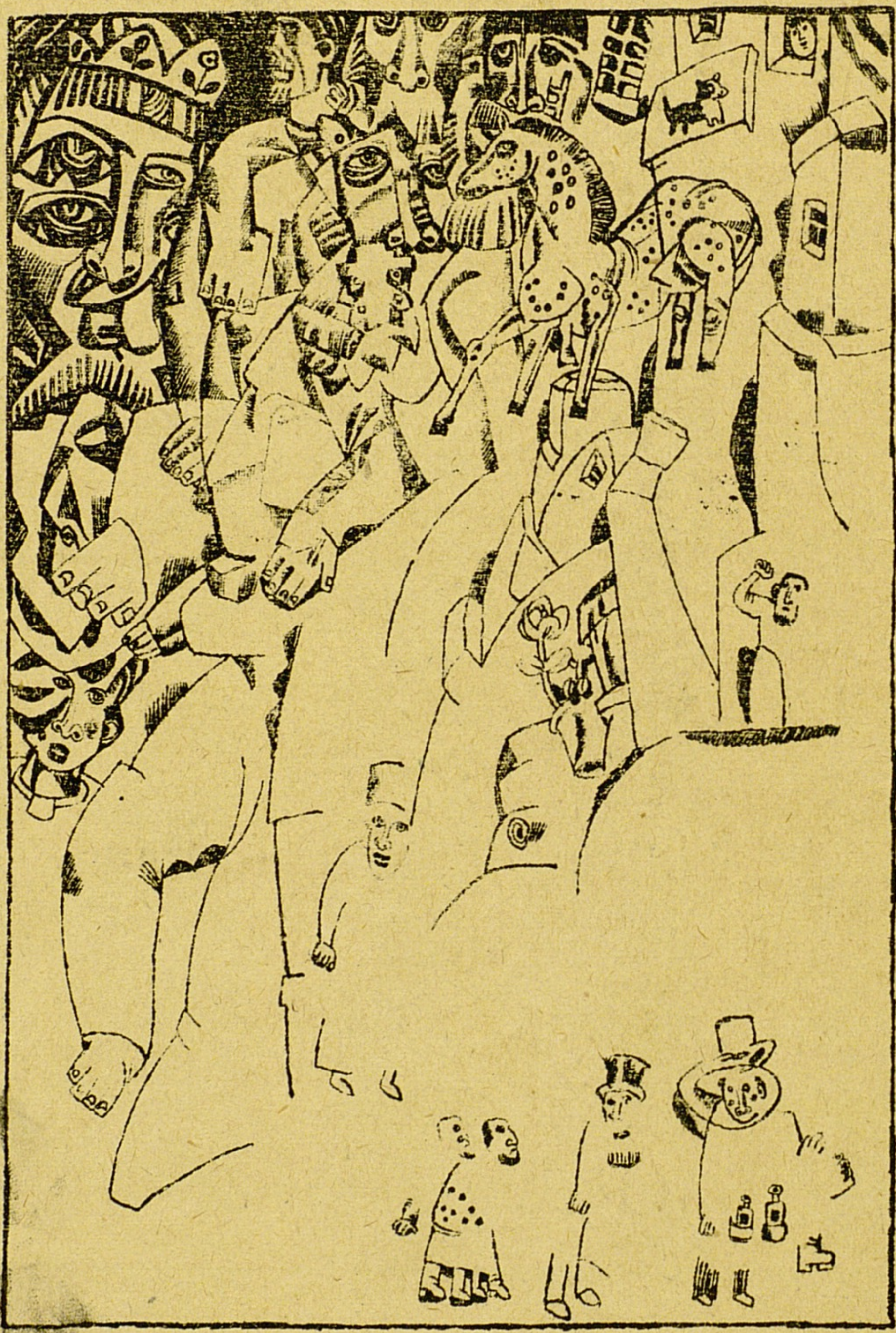
Богъ водами носимый
 ячаньем встрѣченъ лебедей,
 не предопредѣлил ли ты Цусимы
 роду низвергших тѣ людей?
 не зналъ ли ты что нѣкогда возстанем
 какъ нѣкая вселенной тѣнь
 когда гонимы бытъ устанем
 и обрѣтемъ въ временахъ рѣнь
 сил синихъ снемъ.

Когда копьемъ мужь встрѣчали
 тебѣ не пѣль ли мы не уснемъ
 въ иныхъ временъ началъ

Q A H A A

A A A A

39
Въ кресла бѣлаго песчаника

я усядуся одна.

Оран, Оран, ойкой костью
край кудв ищешь

Воронь, Воронь чужь гостью
мой догибнешь, господине!

Витязьъ этотъ холодъ оклянный
ойкой вой русарки пьяной
всюду визгъ и суматоха

оставяется стало плохо. [уходитъ]

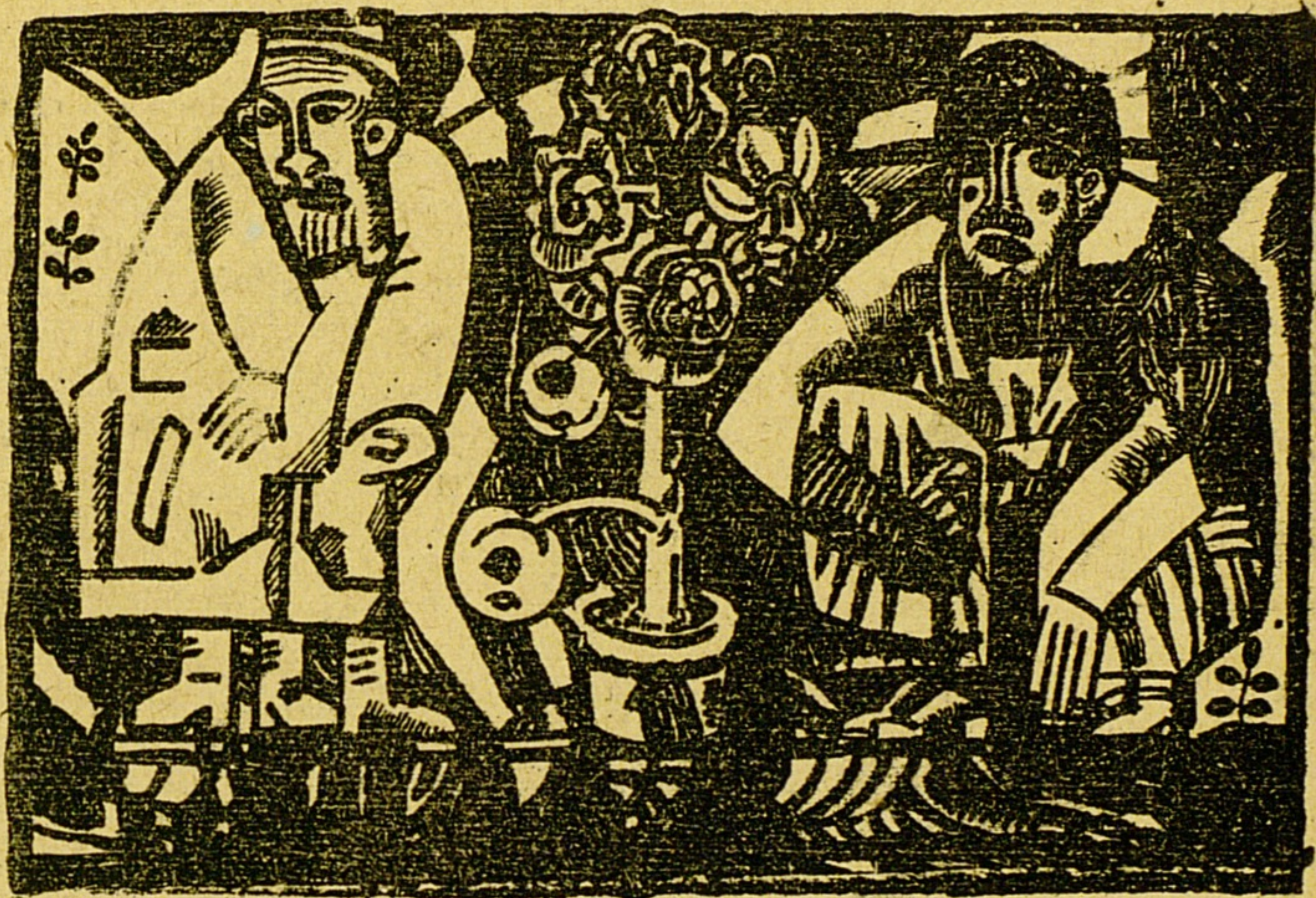
Песня въдья:

ла-ла соб. Не ле соб!

Жун-жан ————— соб леле
соб леле! ла-ла, соб.

жун-жан! жун-жан!

Русалки поют:

іа іо цолкь

ііо іа паццо!

пиц, пацо! піц, Пацо
іо іа цолк!

дынза, дынза, дынза!

Русалки держат в рукѣ
учебникъ сахарова и
поютъ по нѣму:

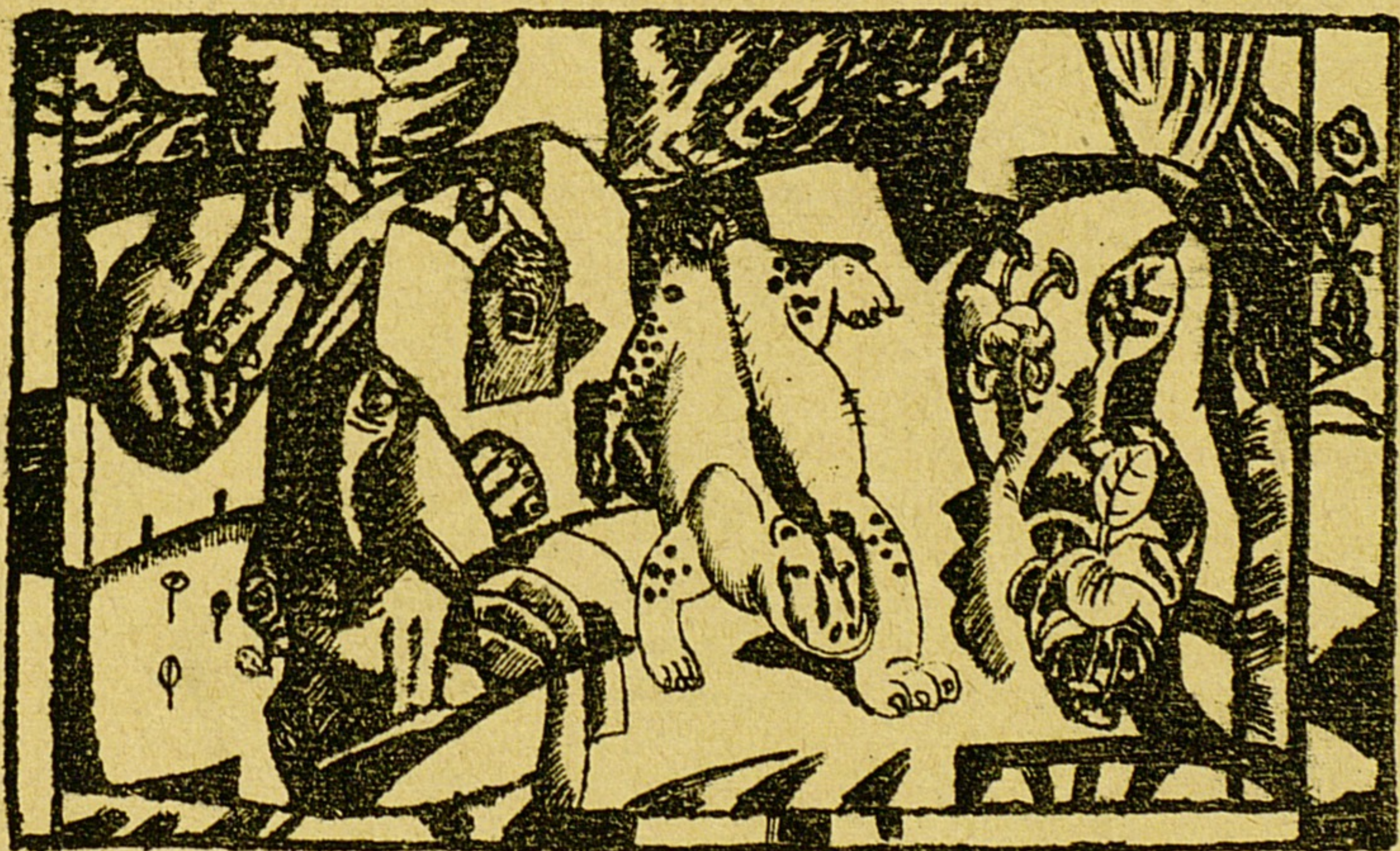
Между вишен и черешен

02
И АШ МЕЛЬКАЕТ ОБРАЗ ГРѢШЕН
И НОГДА ГЛАЗА ПРОКОЛЕТ
НАМ РЫБАЧЬЯ ОСТРОГА

А РУЧЕЙ НЕСЕТ И ХОЛМЪ
И НЕСЕТ СКВОЗЬ БЕРЕГА

ПУСКАЙ КЪ ПНЮ ТОМУ ПРИЛЬНУДА
ТУША БЛАЯ ОВЦЫ
И КЪ СВИРѢЛИ ПРОТЯНУДА

О НАЖЕ И НЕ РѢЗЦЫ

Н А ГО Р АХ С Ъ В Ы С О К О Й М А В К О Й

Л Ю Д И В И Д Ъ Л И Н А М Е Д Н И

Т Е М Н О Й ^Н _О Ч ^Ь _Ю Н А З А Р Ъ

Э Т О В Ъ Р Н О И Н Е Т Р Е Д Н И

Т А М Ъ Н А К А М Н Ъ **Д**У К А Р Ъ

У З Н А Й - Ж Е! М А В А Ч Е Р Н О Б Р О В А

Н О М Е Р Т В Ы Й У Ж Ъ К А К Л У К В Ъ Р У К А Х

З А Д Ю К У Д Е Р Ж И Т Е С У Р И В О

И Р Ы Б Ъ Я П Ъ С Н Я Н А **С** Т А Х

А С З А Д И К О Ж И Н Ъ Т У Н Е Й

О Н А Ш И П О В Н И **К** Р А С Н Ъ Й

Ш А Г А М И Х И Щ Н Ы М И С И Л Ь Н А

С Ъ Д У Г О **В** Л А С Т Ы Х Ъ Е Л А З Ъ О Н А

И И М И С М О Т Р И Т С Я В Ъ Ч Л О Р Ъ

А З А Р Е М Н Е М У Н Е Й Т О П О Р Ъ

У Л Ы Б К И Н Ъ Т У О Т К Р О В Е Н Н Ъ Е

А Т Ы У Ж А С Н О Т Р И В И Л Ъ Н И Е

Типо-литографія Невскій 136

Изда т. **ЕУЫ:** ¹¹⁹
488a

1-й изборник В. Хлѣбникова:

«Р Я В» перчатки

1908—1914 гг.

рис. Д. Бурлюкъ и Ж. Малевича, ц. 60 к.

(произведенія этого изборника не вошли въ 2-й—)

2-й изборник В. Хлѣбникова:

„ИЗБОРНИК стихов 1907—1914 гг.“

ц. 70 коп.